

Смирнова Анастасия, 16 лет

Сказка о певце, что забыл мелодию

В долине, окружённой холмами, где ветер гулял свободно, жил юноша по имени Тимур. Он был певцом. Голос его был чист и звонок, как первый весенний ручей, и люди собирались послушать его песни, которые, казалось, рождались из гармоничного союза земли и неба.

Тимур был талантлив, нотень тщеславия лежала на его душе. Он мечтал о том, чтобы его голос слышали не только в соседних деревнях, но и в далеких городах, где жили цари и вельможи, чтобы каждый смотрел с восхищением, восхвалял его, и чтобы имя его было у всякого на устах.

Однажды, когда он пел на ярмарке, к нему подошёл странник. Одет он был богато, но глаза его были сухими и холодными, как лед.

«Твой голос хорош, юноша, — сказал странник, — но ему не хватает величия. Ты поешь о травах и ветре, а нужно петь о золоте и славе, ведь именно это заставляет твою душу трепетать. Я могу дать тебе то, что сделает твой голос неповторимым».

Странник протянул Тимуру крошечную серебряную флейту. Она была изящно украшена тонкими, сложными узорами.

«Это флейта эха, — прошептал он. — Если ты будешь играть на ней перед пением, твой голос будет звучать так, будто его усиливает тысяча голосов. Все будут аплодировать только тебе, но помни: флейта заберёт твою собственную „первую“ мелодию. Ты будешь петь чужие гимны, а не свои».

Тимур, ослепленный мечтой о славе, не услышал последней фразы. Он забрал флейту и поблагодарил странника, который тут же исчез в толпе.

На следующий день Тимур отправился в большой город. На главной площади он достал серебряную флейту. Певец сделал вдох и

заиграл. Звук был поразительным. Он вибрировал в воздухе, заставляя камни дрожать. Когда Тимур открыл рот, чтобы запеть, его голос действительно стал грандиозным, мощным, полным огня и силы. Люди начинали кланяться, купцы бросали ему золотые монеты. Тимур купался в овациях, словно они были прохладным горным водопадом в знойную жару. Он пел неделю, вторую, после прошёл месяц. Его слава росла. Тимур пел о победах, о богатстве, о могуществе. И казалось, не было на свете ничего идеальнее его голоса.

В один вечер, когда он вернулся в свою скромную комнату, Тимур сел на лежанку и услышал звенящую тишину... Вдруг тоска заполнила его сердце. Он захотел спеть ту самую, свою первую мелодию — ту, которую он сочинил, когда впервые увидел рассвет над родной долиной. Тимур взял флейту, чтобы сыграть простую, нежную песнь, но пальцы не слушались. Он попытался припомнить ноты, но лёгкие отголоски ускользали от него, а на их месте оставались только громкие звуки тех грандиозных, чужих гимнов, которые он исполнял.

Он попытался спеть без флейты. Голос вышел. Он был сильным, но абсолютно бездушным. В нем не было ни тепла, ни той искренней радости, которая когда-то трогала сердца слушателей. Это был гулмеханизма, а не голос человека.

«Флейта забрала мою первую мелодию, — понял Тимур. — Она забрала ту, что была „моей”». Он попытался выбросить серебряную флейту, но та крепко приросла к его руке. Он не мог ее отпустить. Раз за раз он пытался оторвать проклятую флейту, но всё было тщетно. Обессилив, Тимур упал на колени... «Остался один выход: вернуться в свою долину и остаться наедине с собой., чтобы больше никто не слышал меня».

Прошло время и вот певец стоял на том месте, где когда-то пел о ветре. Он попытался тихонько, почти шёпотом запеть, но из горла вырывались лишь пустые, обманчиво идеальные мелодии.

К нему подошла старая пастушка, которая всегда слушала его первой.

«Что с тобой, Тимур? Твой голос — как холодное серебро. Ты поешь, но не слышишь себя». Тимур рассказал ей историю о флейте.

«Серебряная флейта, — вздохнула пастушка. — Она дала тебе эхо, но забрала самое важное для тебя. Чтобы вернуть свою мелодию, ты должен спеть то, что не услышит никто, кроме тебя самого».

«Но я ничего не помню!» — отчаянно воскликнул Тимур.

«Ты помнишь, зачем ты пел в первый раз? Пой не для чужих восхищений, не для золота, а пой потому, что хочешь, чтобы твое сердце открылось».

Тимур сел на холме, закрыл глаза и отпустил флейту. Она упала в траву. Тимур перестал пытаться издать громкий звук. Он просто начал дышать. И когда он открыл рот, он не стал петь. Он начал говорить о том, как он скучал по запаху родной земли, по крику совы, по своей скромной, но настоящей жизни. Он говорил тихо, неслышно. Ему было неважно, как он звучит. Он говорил правду.

И когда все слова были сказаны, юноша почувствовал, как что-то теплое и знакомое пробудилось в его груди. Это что-то растекалось по телу и просилось наружу. Он тихонько запел. Это была не та грандиозная песня, что приносила ему золото. Это была простая, немного неуклюжая, но его мелодия.

Он поднял глаза. Серебряная флейта в траве потускнела и превратилась в обычный, погнутый кусок металла. Она больше не имела силы над ним. Тимур поднялся, расправил плечи и запел о том, как хорошо

быть дома, даже если твой голос слышит только ветер и старая пастушка.
И эта тихая, настоящая мелодия была ценнее всех оваций мира.